

когда необходимость обработки необъятного фактического материала, собранного Дарвином, под углом зрения важнейших аспектов эволюционного учения — естественного отбора, наследственности и изменчивости — отодвинула проблему происхождения человека на второй план.

Л. А. Тульцева

О НЕКОТОРЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ РАЗВИТИЯ ОБРЯДОВО-ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В УЗБЕКИСТАНЕ

Обрядово-праздничная культура современных народов, как никогда прежде, подвержена процессам обновления, трансформации и модификации, особенно структурные составные этого комплекса. Как известно, наиболее интенсивными и в корне преобразующими жизнь людей эти процессы стали после Великой Октябрьской социалистической революции. Тем не менее в республиках Средней Азии комплекс патриархальных традиций еще долгое время составлял значительный слой в обрядово-праздничной культуре. В связи с этим в поле зрения советских этнографов всегда находились вопросы, связанные с выявлением роли традиционно-национального в современной культуре и развитием собственно советских социалистических традиций.

Процессы и закономерности развития традиционно-национальных элементов в культуре определяются многими социально-этническими факторами. Среди них узловую роль играют социально-психологические установки, религиозные обычаи, обряды и праздники, этика взаимоотношений между людьми, фольклорные формы культуры. Функционирование всех перечисленных выше структур на новом уровне продолжается и в советское время, поскольку традиционно-нормативный пласт культуры составляет часть обыденных, бытовых отношений людей, общественное сознание которых перестраивается значительно медленнее общественных отношений в целом. Поэтому процессы трансформации и модификации старых обрядово-праздничных форм культуры в направлении развития их демократического прогрессивного содержания порой наталкиваются (особенно в семейно-бытовой сфере) на противодействие архаичных, изживших себя и противоречащих социалистическому образу жизни патриархально-байских пережитков, коренящихся в обывательском мнении некоторой части людей. В Среднеазиатско-Казахстанском регионе такими пережитками являются обычаи *суннат*, *никох*, *джаназа*, *кайтарма*, трансформированные формы затворничества женщин и т. д.

В процессе строительства социалистического общества, в условиях, когда церковь отделена от государства и школа от церкви, когда каждый гражданин получил возможность свободно выражать свои взгляды на религию, произошел коренной перелом в отношении народа к религии и церкви, положивший начало развитию массового атеизма. Отход трудящихся от религии, как и изживание разнообразных патриархальных обычаев, у разных народов шли разными темпами. Например в Российской Федерации принятые декреты Советской власти «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» (декабрь 1917 г.), «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (январь 1918 г.) способствовали реальному воплощению в жизнь новых норм семейно-брачных отношений. Распространение записи актов гражданского состояния практически уже в первые годы Советской власти положило начало таким безрелигиозным обрядам, как «звездины», «октябрины», «красные свадьбы», «красные похороны». В районах тра-

диционного распространения ислама дело обстояло значительно сложнее; здесь перечисленные выше законодательные акты лишь открывали путь к секуляризации семейно-брачных норм и обрядов. В республиках Средней Азии из-за многих объективных причин этот процесс начался не одновременно с установлением Советской власти и набирал темпы постепенно.

Одна из главных причин более замедленного процесса и трансформации традиционного быта народов Средней Азии заключается в том, что все они вступили на социалистический путь, минуя капиталистическую стадию развития. Как известно, капиталистические общественные отношения, вовлекая в промышленное производство огромные массы людей, стимулируют освобождение быта и сознания от патриархально-родовых и феодальных традиций, значительно расширяют почву для антиклерикальных настроений и выступлений, а главное, формируют самый демократический класс — пролетариат. Отсутствие этого своего рода подготовительного этапа не могло не сказаться на степени, уровне и темпах изменений культурно-бытового уклада народов Средней Азии после установления здесь Советской власти.

Но уже сам факт установления Советской власти и начавшиеся социально-экономические преобразования, такие, как земельно-водная реформа, национально-государственное размежевание народов Средней Азии и Казахстана, культурная революция, вовлечение женщин в общественное производство и т. д., постепенно изменяли психологию местного населения. В его жизнь стали входить школы ликбеза, кинотеатры, библиотеки, клубы, «красные чайханы», «красные юрты», артели для женщин, амбулатории, акушерские курсы и др. Начали проводиться такие коллективные мероприятия, как общественно-политические праздники, демонстрации, митинги, лекции, возникло массовое движение за осуществление мероприятий Советской власти, направленных на раскрепощение женщин. Новые условия труда, распространение форм социалистической культуры, преобразования в общественной и семейной жизни формировали новые общественно-политические взгляды и настроения, национальное самосознание, вытеснявшее религиозное сознание, в прошлом отождествлявшее ислам с национальной самобытностью.

Советская обрядово-праздничная культура в Узбекистане, как и в других местах, начала свое развитие с общественно-политических праздников. Выдающуюся роль в организации первых всенародных торжеств в 20-е годы на территории Узбекистана сыграла самоотверженная деятельность Хамзы Хаким-заде Ниязи, которого по праву можно назвать основоположником новых социалистических обрядово-праздничных традиций узбекского народа. Он первым начал обогащать всенародные праздники и представления прогрессивными национальными и интернациональными традициями. Хамза был прекрасным знатоком фольклора и народных зрелищ Востока. Это позволило ему включать в сценарии праздников такие народные жанры, как искусство *маскарабозов* и *кизикчи* (комедийные импровизации), *сафсата* (философствования), *чанди* (состязания в остроумии) и т. д. Широко использовал Хамза в своих постановках для народа и русскую агитационную драматургию, творчески приспособивая ее к местным условиям.

Хамза был инициатором и организатором первых революционных *тойев* — праздников в честь победы Октября (в Андижане, Ташкенте, Бухаре, Хиве, Ходжейли) и Международного женского дня 8 Марта (в кишлаках Аввале и Шахимардане Ферганской долины). Взяв за основу традиционную форму «восточных вечеров», которая до революции ограничивалась показом нескольких спектаклей, он превратил ее в трехдневный массовый театрализованный праздник, включавший народные гулянья, массовые инсценировки, агитспектакли и концерты. В дальнейшем творческий опыт Хамзы был использован при развитии других прогрессивных народных праздников, таких, как *Навруз байрами* (весенний новогодний праздник), *Гул байрами* (Праздник роз),

Кавун сайли (Праздник дынь), *Узум сайли* (Праздник винограда), *Хирмон байрами* (ныне *Пахта байрами* — Праздник хлопка).

Общественные торжества год за годом входили в каждый дом и постепенно становились неотъемлемой частью семейно-бытовых праздников. Процесс внедрения общественно-политических праздников в семейную сферу затрагивал обыденное сознание людей, содействовал формированию новых типов поведения, перестройке взглядов на патриархальные обычаи и нормы и закреплял новые взаимоотношения между поколениями людей, мужчинами и женщинами. В 1920-е годы борьба за новые праздники и обряды была частью классовой борьбы. В частности, история Международного женского дня 8 Марта у узбеков — это пример героической борьбы узбекских женщин за социальное равноправие, предоставленное им Советской властью. В деле раскрепощения женщин, в ломке установлений шариата, в формировании нового поколения женщин особенно заметный след оставило движение «Худжум!» — «В наступление!». Тогда под влиянием массового подъема самосознания узбекских женщин стали создаваться семейные кружки по кварталам, объединявшие семьи, в которых женщины сбросили затворнические покрывала¹. Так, семейный кружок «Кызыл гунча» («Красный цветок») долгое время функционировал при клубе Асакинского района. Его наряду с замужними женщинами посещало много молодежи, юношей и девушек. Члены кружка обсуждали различные вопросы, связанные с борьбой Коммунистической партии за раскрепощение женщин и привлечением их к строительству новой жизни. По инициативе членов кружка были организованы трехмесячные курсы для женщин, отказавшихся от паранджи, где обучалось 60 человек. Велась и другая, самая разнообразная общественная работа². Общественный резонанс семейных кружков был очень велик. В наше время их традиции воссозданы в Туркменистане в проведении так называемых семейных вечеров.

По сложившейся в 1920-е годы традиции, когда день 8 Марта знаменовал борьбу женщин-восточниц (так тогда говорили) за свои права, и сейчас в Узбекистане (как и везде в Средней Азии и Казахстане) этот праздник отмечается как день раскрепощенной женщины.

Проведенные в 1974 и 1981 гг. Институтом этнографии АН СССР совместно с Отделом этнографии Института истории АН УзССР и Историческим факультетом Ташкентского государственного университета этносоциологические исследования социально-культурного развития наций в Узбекистане³ свидетельствуют о постоянном влиянии инноваций на культурно-бытовую сферу жизни узбеков⁴. Полученные после обработки обследованных массивов данные позволяют проиллюстрировать некоторые социально-этнические аспекты процесса трансформации узбекских обрядово-праздничных традиций.

¹ З. П. (Прищепчик З.). Добровольное общество «За новый быт». — Коммунистка, 1928, № 6, с. 84.

² Джумаев Ч. Комсомол Узбекистана в борьбе за раскрепощение женщин (1925—1929 гг.) — В кн.: Вопросы социально-экономического и культурного развития южных областей Узбекистана: Сб. науч. тр. Ташкентск. гос. пед. ин-та им. Низами. Ташкент, 1977, т. 169, с. 23.

³ О программе и методах выборки исследования см.: Арутюнян Ю. В. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР. — Сов. этнография, 1972, № 2. В основу исследования в Узбекистане была положена многоступенчатая районированная выборка, репрезентативная для городского и сельского населения республики. В 1974 г. в соответствии с принципами выборки было отобрано и опрошено около 2500 чел. в разных городах и около 1600 сельских жителей в Ташкентской, Самаркандской и Андижанской областях. В 1981 г. было опрошено 1200 чел. в Ташкенте. О принципах выборки см.: Социальное и национальное. Опыт этносоциологического исследования. М.: Наука, 1973, с. 316—330.

⁴ Некоторые итоги этих исследований по интересующему нас вопросу опубликованы. См.: Лобачева Н. П., Тульцева Л. А. Традиции в современной обрядности узбеков. — Сов. этнография, 1977, № 6; Дробижнева Л. М., Тульцева Л. А. Свадебная обрядность в общественном мнении (по материалам этносоциологических исследований у народов СССР). — Сов. этнография, 1982, № 5, и др.

Проведенное исследование дало дополнительные материалы, показавшие, что в числе объективных условий, которые способствовали изменению традиционных явлений культуры, ведущая роль принадлежит образованию и социально-профессиональному статусу человека. Эти факторы особенно четко прослеживаются в сельской местности, поскольку преимущественно сельское население является носителем традиционной национальной культуры. Быстрый рост профессиональной подготовки людей, их общеобразовательного и культурного уровня содействовал формированию нового поколения людей, чье сознание и поведение в значительной степени свободно от традиционно-нормативного (в том числе и религиозного) мышления, поведения и уклада жизни. Поэтому не случайно итоги исследования показали, что разница в приверженности к традициям между работниками неквалифицированного физического труда и работниками умственного труда составляет около 55% в городе и около 58% на селе.

Качественно иной социально-профессиональный облик узбекских трудящихся способствует ускорению процессов трансформации традиционных внутриэтнических связей (особенно в сфере обыденного религиозного поведения), раздвигает границы микросреды общения, способствует формированию новых социокультурных ориентаций населения. Об этом мы можем судить, в частности, по ответам на следующие вопросы анкеты: «Есть ли у Вас родственники (братья, сестры, дети), состоящие в браке с лицом другой национальности?», «Есть ли среди Ваших друзей люди другой национальности?», «Известно, что на предприятиях, в учреждениях работают вместе люди разных национальностей. Как, по Вашему мнению, это влияет на отношения в коллективе?». Ответы на перечисленные вопросы (по исследованию 1974 г.) показали: около 78% опрошенных узбеков в возрасте от 20 до 50 лет считают, что национальная принадлежность людей не имеет значения при совместной работе и общении в рабочих коллективах, 66% узбеков-горожан дружат с людьми другой национальности, многие имеют родственников, состоящих в национально-смешанных браках.

Исследование проблемы развития инноваций в культурно-бытовой жизни, и в частности в обрядово-праздничной сфере, предполагает и сравнительный анализ данных, показывающих отношение разных поколений к старым и новым традициям. Таким путем можно, во-первых, установить степень ориентированности разных поколений на традиционное и новое, во-вторых, сравнить разные этносы по этноконфессиональному признаку в плане устойчивости нормативных форм поведения в быту, в-третьих, получить материалы к сравнительной характеристике обрядово-праздничной культуры у разных этносов (например, в плане ее адекватности современному общественному развитию).

Конечно, старшее поколение хотя бы в силу объективных психологических причин в городе и на селе всегда было хранителем традиций: фольклора, традиционных элементов материальной культуры, обычаев, обрядов и т. п. Молодежь же — представители самых разных национальностей — своим отношением к традициям отражает доминирующие тенденции современности. Однако необходимо отметить, что и среди молодежи постоянно возрастает интерес к фольклорным формам культуры; это, вероятно, связано не только с попыткой утверждения национального самосознания и национальной самобытности, но и с поисками новых путей наиболее полного социально-нравственного воспитания и самоутверждения личности. Важно, чтобы в развитии подобной положительной тенденции преобладали истинно гуманистические идеи, псевдонациональное не выдавалось за народное, национальное не смешивалось с национализмом и богоискательством, чтобы интерес к фольклорным формам культуры не перерос в идеализацию архаичных традиций и обычаев.

Традиционные и новые внутриэтнические связи, традиционные и новые типы поведения людей тесно связаны с бытованием традиционных и формированием новых праздников и обрядов и соответственно

с формированием новых этносоциальных параметров личности.

В прошлом среди традиционных установлений в системе внутриазиатских связей важную роль в быту мусульманских народов Средней Азии играли два общественных праздника: праздник окончания поста — *рамазан-хайт* (или *руза-хайт*, *сайил-хайт*) и праздник жертвоприношения — *курбан-хайт*. Характерные черты этих праздников — моления всех взрослых мужчин селения в мазарах или других местах, предназначенных для свершения праздничной молитвы, посещение кладбища, гостевание у родственников, народные гулянья. Полученные в 1974 г. материалы (из-за специфики опроса методом стандартизированного интервью), конечно, не могут дать полной картины их современного празднования. Да такого рода задачи и не стояли в исследовании. Наши материалы позволяют охарактеризовать эти праздники с точки зрения социально-демографического состава их участников. Так, пост ураза, который предшествует празднику рамазан, отмечается преимущественно лицами старшего возраста (50 лет и старше), причем 75% среди них заняты в сфере неквалифицированного труда. В самом празднике участвует и молодежь. В этом случае огромное влияние на устойчивость традиционных норм, отношений, порядков оказывает этническая микросреда: специфика уклада жизни, многообразие консервативных элементов в его структуре, особенно же воздействие традиционно настроенных стариков, авторитет которых достаточно высок. В то же время практика показывает, что в укладе жизни разных народов в наибольшей степени поддерживаются именно те традиционные праздничные обычаи (причем не обязательно религиозные), которые способствуют развитию в людях коллективистских черт, взаимного уважения, взаимной помощи, добрососедских отношений. Это взаимные поздравления по случаю наступления праздника, коллективные застолья, угощения, взаимное одаривание. Подобные обычаи универсальны. Они существовали в течение веков и продолжают жить в наши дни, выполняя все ту же коллективистскую, объединяющую разные поколения людей функцию. Универсальность этих обычаев делает их интернациональными, ибо их древнейшая социально-идеологическая суть — развитие общегуманистических черт в сознании и общественной психологии людей. Не случайно поэтому в ответах на вопрос анкеты «По какому поводу Вы чаще всего навещаете своих родственников?» опрошиваемые единодушно отмечали и общие праздники («красные дни календаря»), и семейные торжества, и традиционные национальные праздники.

Характерно и следующее. Сравнение данных по различным социально-профессиональным группам в городах Узбекистана с аналогичными данными, полученными в сельской местности, свидетельствует о том, что разница в отношении к традиционным праздникам между теми и другими незначительна. В то же время при сравнении этих материалов по половозрастным группам обнаруживается существенное различие по этому показателю. Таким образом, одна и та же профессиональная среда как в городе, так и в сельской местности характеризуется схожим отношением к традициям.

Показателен пример с празднеством *суннат-той*. Своими корнями *суннат-той* уходит в далекое прошлое и исторически связан с инициациями и другими древними посвятельными обрядами, целью которых было приобщение молодого поколения к идеологическим ценностям и социально-культурным навыкам племенной общности. У разных народов за многие века этот обычай приобрел свою специфику, свой этнический колорит. Отождествление с национальной самобытностью *суннат-той* — пример хотя и достаточно известный, но по-прежнему заслуживающий внимания, ибо, по итогам исследования, даже в самой младшей возрастной группе опрошенных узбеков (18—19 лет) за его исполнение положительно высказалась в городе около 66%, в сельской местности около 80%.

В оценке социально-психологических причин бытования празднества суннат-той важно и следующее наблюдение: для части населения «средством самоутверждения в представлении окружающих» является не само следование традициям, а показное устройство пышных торжеств по их поводу⁵.

Устойчивость традиций, связанных с суннат-тоем, имеет свои исторические корни. В прошлом он сопровождался обязательным трехдневным торжеством. В нем принимал участие весь квартал, съезжались гости из дальних мест. Это было общинно-родовое торжество в честь мальчика. С этнографической точки зрения представляется очевидным, что празднество суннат-той — позднейший дериват исламизированных народных торжеств. История же религиозных верований, их эволюция и генезис позволяют говорить об особой устойчивости именно синкретизированных обрядов и обычаев. В настоящее время суннат-той входит в систему семейно-праздничных традиций; они, как известно, весьма устойчивы, консервативны, поддерживаются мнением старейших членов семейного и общественного коллективов. Люди же старших возрастов, используя свой авторитет, влияют на молодых. Г. П. Снесарев писал: «Хотя в области семейных отношений, в частности в положении женщины, произошли огромные изменения, семья продолжает оставаться еще довольно замкнутым миром, менее доступным для прогрессивных влияний, чем, например, производственные коллективы. Патриархальные традиции, столь характерные для среднеазиатской семьи прошлого, исчезают медленно. Авторитет старших и влияние их на младшие поколения в рамках семейной жизни продолжают еще сохранять известную силу и играют немалую роль в поддержании традиций»⁶.

Достаточно стойки также некоторые традиции детского цикла, причем, некоторые из них получили дальнейшее развитие. К их числу относится обычай посещения и поздравления роженицы, осыпание ребенка сладостями, праздничный обед по случаю первого укладывания ребенка в колыбель — *бешик-той*, а также появившийся только в советское время обычай отмечать дни рождения детей. Социально значимой теперь стала и процедура регистрации новорожденных в отделах загса, в большинстве случаев принимающая характер торжественного церемониала. Торжественная регистрация в загсе, как правило, сопровождается праздничным обедом в честь новорожденного. У народов Средней Азии церемониал регистрации может совпадать с традиционным празднеством в честь первого укладывания ребенка в колыбель. В прошлом этот праздник колыбели, включавший ряд магических обрядов, проводился в узком кругу женщин, связанных родством. Сейчас он превратился в общесемейное торжество. Новым стало и то, что на празднество первого укладывания ребенка в колыбель родители приглашают своих товарищей и коллег по работе, независимо от их национальной принадлежности.

Развитие свадебной обрядности также происходит во взаимодействии старых традиций с новыми обрядовыми формами. Наше исследование зафиксировало, что часть опрошенных считают необходимым выполнение таких консервативных патриархальных обычаев, как *никох* (акт бракосочетания по шариату) и *калым пуль*. Более же половины опрошенных узбеков, проживающих в городах, считают калым пуль вредным пережитком, с которым надо бороться. Благодаря ответам на вопрос анкеты «Какие свадебные обряды исполнялись?» были зафиксированы также следующие традиционные свадебные обряды, которые бытуют среди узбеков Ташкента: *совчиллик* — сватовство, *келин са-*

⁵ Саидбаев Т. С. Ислам и общество. М.: Наука, 1978, с. 191.

⁶ Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969, с. 19.

лом — приветствие невесты, пул чочки — разбрасывание денег, раздача плова, гушанга кириш — введение невесты за занавес, ойнага каратиш (ойнага карамок — букв.: смотреть в зеркало), юз очди — церемония открывания лица невесты, чилла — проводы молодых под символической крышей, специально к свадьбе сплетенной из тростника, чарлар — приглашение новобрачных в дом родителей жениха или невесты через некоторое время после свадьбы и соответствующее торжество по случаю приема молодоженов. На узбекской свадьбе и сейчас торжественно воспринимается церемониал преломления хлеба *нон синдириш*, когда седебородые старцы разламывают свежеспеченные лепешки, оделяя ими гостей и произнося добрые пожелания жениху и невесте.

В настоящее время в Узбекистане, как и повсюду в союзных республиках, ведется большая работа по пропаганде новых форм семейных торжеств. В Ташкенте и Ташкентской области, например, действуют 13 Дворцов счастья, около сотни так называемых Комнат торжеств. При кишлачных и поселковых Советах, махаллинских (квартальных) комитетах созданы обрядовые комиссии, призванные регулировать ход подготовки и проведения свадебного вечера. И там, где общественность, в частности Советы депутатов трудящихся, не формально, а инициативно и заинтересованно относятся к пропаганде социалистической обрядности, результаты проявляются достаточно быстро и эффективно. Например, вследствие работы специальной комиссии по организации свадеб, состоящей из депутатов и активистов Заркентского кишлачного Совета (расположен в предгорном Янгикурганском районе) свадьбы стали справлять без огромных «купеческих» затрат. Такие свадьбы, лишенные элементов мешанской престижности, даже получили название «заркентских свадеб»⁷.

В городах жителей кварталов, как известно, связывало обязательное участие в семейных обрядах друг у друга, которые по традиции, сохранившейся от родовой общины, носили общественный характер. Эту традицию учел совет руководителей махалли им. С. М. Кирова, расположенной в Акмал-Икраимовском районе Ташкента. Здесь ведется большая работа по формированию прогрессивного общественного мнения; по существу, этот квартал стал центром пропаганды новых семейных обычаев и обрядов, связанных с рождением ребенка, вступлением в брак, с юбилейными и знаменательными событиями в семье (такими, как вручение паспорта, проводы на службу в Советскую Армию). На страницах газеты «Правда Востока» руководитель махаллинского комитета З. Г. Гафуров рассказал о том, что здесь вот уже несколько лет свадьбы проходят «торжественно, ярко, на хорошем эмоциональном уровне, но без излишеств». Стало правилом, что руководство организацией и проведением этого торжества берет на себя комиссия махаллинского комитета, которая совместно с родителями жениха и невесты продумывает весь ход свадьбы, вплоть до составления сметы расходов и числа гостей. Стало традицией, что жених и невеста после торжественной церемонии записи акта бракосочетания отправляются к памятнику В. И. Ленина, могиле Неизвестного солдата, памятникам выдающимся поэтам и писателям. Знаменательно и то, что в итоге проделанной работы в этой махалле теперь вместо дорогостоящих обычаев осыпать невесту деньгами и сладостями ей вручают хлеб-соль и цветы⁸.

Следует, однако, отметить, что несмотря на значительное внимание со стороны партийных, советских и общественных организаций к пропаганде современных форм семейной обрядности, еще рано говорить о повсеместном охвате населения современной обрядовой службой, как, например, на Украине. Нередки случаи, когда люди стараются следовать старым традициям, даже тогда, когда они поддерживаются лишь патриархально-авторитарным мнением стариков. Этим суждениям следует противопоставлять опыт жизни старых коммунистов, участников

⁷ Таджикиев Х. Заркентские свадьбы.— Известия, 1983, 8 авг.

⁸ Дружат люди в махалле.— Правда Востока, 1982, 13 апреля.

борьбы с басмачеством, активистов борьбы за раскрепощение женщин, героев Великой Отечественной войны, героев труда.

В преобразовании быта населения, формировании нового социально-культурного облика подрастающего поколения, закреплении новых форм семейной и общественной обрядности большую роль играет узбекская женщина. Тем большую социальную значимость приобретают вопросы, связанные с ее подлинным раскрепощением. Например, в этнографических работах отмечалось, что до сих пор у части населения Средней Азии бытует представление о предосудительности пребывания женщин среди посторонних мужчин⁹. Это не может не мешать женщинам быть общественно активными, трудиться и располагать своим досугом. В настоящее время в Узбекистане осуществляется обширный комплекс мероприятий по дальнейшему повышению трудовой и политической активности женщин, вовлечению их в общественно-полезный труд. Особое внимание обращается на совершенствование условий труда, быта и отдыха, охраны материнства и детства. Во всех колхозах и совхозах действуют женотделы, ведут работу клубы девушек, женские пединституты, в кишлачных Домах культуры проводятся недели чествований матерей-героинь.

И здесь правомерен вопрос: всегда ли так широко рекламируемые новые формы, например, проведения досуга способствуют изживанию существовавших ранее представлений по отношению к женщине? Отнюдь нет. Порою за красивым названием нового обычая скрывается все тот же неравноправный принцип разделения по полу. Например, как о новой традиции сообщается о практике коллективного проведения досуга в чайханах Наманганской области. В чайхану по давнему обычаю приглашаются поэты, актеры, коллективы художественной самодеятельности, острословы и самые почетные люди квартала¹⁰. Невольно возникает вопрос: а много ли женщин участвует в таких вечерах в чайханах? В самом деле, в некоторых местах республики по-прежнему поддерживаются традиционные формы собраний для мужчин — *гап*, которые осуждаются передовой общественностью¹¹. Об этой форме проведения досуга узбекский этнограф С. М. Мирхасилов писал: «Хотя на содержании бесед и развлечениях во время таких вечеринок сказался общий рост культуры населения и они в какой-то мере удовлетворяют духовные интересы участников *гап*, все же отсутствие женщин придает им отнюдь не современный характер. Для нашего времени этот обычай устарел»¹². Тем не менее итоги опроса в Ташкенте показали, что около 30% узбеков-мужчин входят в товарищества типа *гап* и *тукма*¹³.

Компаний *гап* в кишлаках и городах становится меньше. В некоторых местах создаются компании, в которых принимают участие и мужчины, и женщины, но женщины угощаются отдельно от мужчин, в другом помещении.

В среде сельской интеллигенции, у горожан создаются также компании товарищей-сверстников для совместного проведения досуга мужчин вместе со своими женами. Наряду с мужскими получили распространение женские *гап*, объединяющие подруг-сверстниц. Показательно, что при опросе в Ташкенте около 20% женщин-узбечек назвали себя

⁹ Васильева Г. П. Женщины республик Средней Азии и Казахстана и их роль в преобразовании быта сельского населения.— Сов. этнография, 1975, № 6, с. 25.

¹⁰ Садилов М. С. Из опыта работы парторганизаций Узбекистана по распространению и внедрению новых традиций и обычаев в жизнь трудящихся (на примере Наманганской области).— В кн.: Научные труды Ташкентского ин-та народного хозяйства. В. 155 (Проблемы коммунистического воспитания трудящихся масс). Ташкент, 1978, с. 68.

¹¹ См.: Битенева Н. Общесоветские традиции. Алма-Ата: Казахстан, 1974, с. 68.

¹² Мирхасилов С. М. Из истории общественного быта узбеков.— Сов. этнография, 1963, № 5, с. 121.

¹³ *Гап* — определенные компании, собирающиеся на вечеринки с угощением, устраиваемые по очереди раз в неделю одним из участников компании. *Тукма* — собрание определенной компании на вечеринки, устраиваемые в складчину в зимний период.

участницами таких гап. Приведенные факты, безусловно, свидетельствуют о коренных изменениях древнего института гап. Женские гап собираются в домах их участниц, в отличие от мужских, устраивающихся в чайханах. Ярким примером трансформации старинного обычая является и то, что в число участников современных гап входят люди разной этнической принадлежности¹⁴. Материалы этносоциологического опроса в Ташкенте дают возможность охарактеризовать современные товарищества гап по их профессиональному и возрастному составу, выявить связь участников гап с махаллей, главное же — наметить круг встреч респондентов — участников гап в соответствующих товариществах. При ответах на вопрос анкеты: «С кем Вы там обычно встречаетесь?» был предусмотрен следующий выбор: с мужчинами, с женщинами; с земляками, с товарищами по работе, с друзьями; с узбеками, с людьми другой национальности. Этот выбор отражает реальное положение вещей и позволяет наметить общий контур современного состояния древнего социального института. Монографическое исследование вопроса даст возможность его более содержательной характеристики.

Наличие наряду с мужскими гап женских и семейных (или межсемейных — соседских) — это также один из путей, по которым идет освобождение узбекских женщин от традиционных обычаев изоляции. Так как женские и межсемейные гап становятся этнокультурным компонентом социальной среды Ташкента, можно говорить и об эволюции общественного мнения в пользу фактического женского равноправия в семье, об изменении социально-этнических установок, формировании нового типа личности женщины.

В развитии современной обрядово-праздничной культуры, соответственно в становлении новых социально-психологических установок, в формировании новых типов поведения и взаимоотношений между поколениями в семье и обществе большую роль сыграли советские революционные и международные пролетарские праздники. В них всегда сильны мотивы интернационального патриотического и трудового воспитания. Этими важными социально-нравственными принципами проникнуты не только общественно-политические, но и трудовые и календарные праздники. В течение пяти лет, например, на ряде промышленных предприятий Чирчика проводится ставшая традиционной эстафета труда, учебы, культуры и спорта. Ее организаторы уделяют много внимания также интернациональному воспитанию. На заключительных вечерах в торжественной обстановке коллектив одного предприятия передает эстафету другому, чествуются победители соревнования, передовики, рабочие династии. Ветераны войны и труда вручают молодым людям комсомольские билеты, награды, объявляются имена людей, которым присуждены почетные звания: «Лучший рабочий по профессии», «Лучший наставник молодежи», «Лучший мастер».

И что примечательно: отмечаемые в республике трудовые праздники — это не только те, которые родились в советское время, но и те, что существовали издревле, ибо как прежде, так и теперь земледельцы и рабочие, сельчане и горожане всей душой волнуются за исход посевной, за итоги уборки урожая. Старинный весенний праздник Навруз байрами, с которого начинаются сельскохозяйственные работы земледельцев и животноводов, встреча первого каравана с хлопком, праздник окончания уборочной или праздник урожая Хосил байрами, как и древний праздник Кавун сайли в честь сбора дынь, — все эти естественно возникшие в глубине веков торжества, связанные с земледелием, теперь повсеместно возрождаются и обогащаются современными идеями и эмоциями, новыми ритуалами. В Узбекистане родились и такие новые праздники, связанные с «белым золотом», как Праздник первых всходов, Праздник первой коробочки, Праздник последней борозды.

¹⁴ Пользуемся случаем выразить признательность А. И. Гинзбург, предоставившей автору информацию о современных гап.

Возрождаются красочные *гулгардони* — весенние поздравления жителей селения с цветением маков и тюльпанов. Старинные гулгардони живут сейчас в молодежном празднике «Лола». Некогда кульминацией праздника было торжественное внесение в селение срубленного дерева, украшенного пучками цветов. Это весеннее гулянье, сопровождаемое национальными танцами, пением хоровых песен, сбором распустившихся цветов, по-прежнему привлекает к себе любителей природы. Во время этого праздника люди, собравшись вместе большими группами, направляются в места цветения тюльпанов и маков, готовят там обед и затем с песнями идут собирать цветы.

Преобразился старинный Навруз. Теперь этот весенний праздник часто проводится под девизом всенародного хашара: в сельской местности — это своеобразный смотр готовности к полевым работам, в городах — озеленение кварталов. Это одновременно праздник весны и праздник труда. Наиболее уважаемым людям предоставляется честь проложить первую борозду в поле, открыть весеннюю полевую страду. Участники праздника сообща сажают деревья и цветы, очищают арыки, благоустраивают кишлаки. Обязательная часть праздника — народные гулянья, концерты художественной самодеятельности, спортивные игры. В каждом доме проводится праздничное застолье. В современном Наврузе прославление труда и даров земли органично слилось с народным творчеством, фольклором, фестивалями поэзии.

* * *

Таким образом, в общем ходе социально-культурного развития наций определенное место занимают процессы, связанные с развитием современной обрядово-праздничной культуры. Эти процессы тесно взаимодействуют с этническими процессами. Весь же комплекс обрядово-праздничной культуры составляет весомую часть современной этнической культуры народов.

Следует особо подчеркнуть и то, что сформировавшиеся в процессе социально-исторического развития советского общества новые праздники и обряды, как и старые обрядово-праздничные традиции, на обновленной основе вошедшие в жизнь советских людей, представляют собой культурно-идеологические ценности нашего времени.

Изменения в сфере традиционно-нормативного слоя культуры и развитие советских социалистических традиций также являются узловыми проблемами при сравнительном изучении этнических процессов, в том числе и социально-этнических аспектов развития современной обрядово-праздничной культуры. Материалы этносоциологических исследований подчеркивают тесную связь процессов трансформации традиционной культуры с изменениями в социальных характеристиках образа жизни людей, фонде культуры, социально-демографической структуре населения. Изменение культурной специфики, например, под влиянием процесса секуляризации особенно явно выступает при рассмотрении отдельных переменных этнической культуры. Выше было показано, сколь существенные изменения претерпели, к примеру, товарищества гап по своему составу и собственно социальным функциям по сравнению с прошлым. Интенсификации процессов трансформации традиционной культуры и созданию собственно социалистического фонда обрядово-праздничной культуры способствуют объективные социально-экономические факторы, общий ход развития этнических процессов.

Таким образом, становление современной обрядово-праздничной культуры является составной частью этноэволюционных процессов. Исследование этой проблемы приводит нас к постановке вопросов о социальных инновациях, интернационализации социально-культурных условий развития наций, отражении общих и особенных черт этих процессов в духовной культуре. На современном этапе новая обрядность является одним из важных элементов совершенствования духовной и семейно-бытовой сферы развитого социализма.